

УДК 94(47)“1920”

UDC

DOI: 10.17223/18572685/78/6

«Украинский поход» 3-й Русской армии Врангеля (октябрь–ноябрь 1920 г.)*

А.А. Чемакин

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная 7/9
E-mail: a.chemakin@spbu.ru

Авторское резюме

Осенью 1920 г. на территории Польши была создана 3-я Русская армия (РА) из бывших военнослужащих других белых армий и пленных красноармейцев. Формально она подчинялась главнокомандующему Русской армии П.Н. Врангелю, но фактически находилась в зависимости от Русского политического комитета в Варшаве (РПК) во главе с Б.В. Савинковым. Первоначально предполагалось использовать русские части на польском фронте, но к моменту подписания советско-польского прелиминарного мира в октябре 1920 г. они так и не успели полностью сформироваться, поэтому перед представителем Врангеля в Польше генералом П.С. Махровым встал вопрос, что делать: или интернировать армию, или вывести её на территорию, контролируемую петлюровцами (армией Украинской Народной Республики). Командующий 3-й РА генерал Б.С. Пермикин, действуя от имени РПК (но не от имени Врангеля), достиг договорённости с украинским командующим генералом М.В. Омельяновичем-Павленко, и 3-я РА была переброшена в район Проскурова и продолжила формироваться в тылу петлюровских войск. В ноябре 1920 г. 3-я РА вместе с петлюровцами попыталась отразить наступление Красной армии, но, понеся серьёзные потери, была вынуждена уйти через реку Збруч в Галичину и там интернироваться. Во многом армия была спасена благодаря деятельности её начальника штаба полковника Б.П. Полякова, изначально настроенного против сотрудничества с петлюровцами. Опираясь на материалы целого ряда архивов и мемуары участников событий, автор реконструирует историю «украинского похода» 3-й РА, показывает её взаимоотношения с петлюровскими частями и крестьянским населением Волыни и Подолии.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00046 «Украинский вопрос в политике генерала П.Н. Врангеля (весна–осень 1920 г.)», <https://rscf.ru/project/24-28-00046/>.

Ключевые слова: Гражданская война, советско-польская война, 3-я Русская армия, Украинская Народная Республика, Русский политический комитет, Волынь, Подольская губерния

“The Ukrainian Campaign” of the Wrangel’s 3rd Russian army (October – November 1920)*

Anton A. Chemakin

St. Petersburg State University

7/9 University Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: a.chemakin@spbu.ru

Abstract

In the autumn of 1920, the 3rd Russian Army (3rd RA) was formed in Poland from former servicemen of other White armies and captured Red Army soldiers. Formally, it was subordinate to the Commander-in-Chief of the Russian Army Pyotr N. Wrangel, but in fact it was dependent on the Russian Political Committee in Warsaw (RPC) headed by Boris V. Savinkov. Initially, Russian units were to be used on the Polish front, but by the time the Soviet-Polish preliminary peace was signed in October 1920, they had not yet been fully formed, so Wrangel’s representative in Poland, General Pyotr S. Makhrov, was faced with the question of what to do: either intern the army or withdraw it to the territory controlled by the Petliurists (army of the Ukrainian People’s Republic). The commander of the 3rd RA General Boris S. Permykin, acting on behalf of the RPC (but not on Wrangel’s behalf), reached an agreement with the Ukrainian commander General Mikhail V. Omelianovych-Pavlenko, and the 3rd Army was transferred to the Proskurov area, where it continued to form in the rear of Petliura’s troops. In November 1920, the 3rd RA, together with the Petliurists, attempted to repel the offensive of the Red Army, but, having suffered serious losses, was forced to retreat across the Zbruch River to Galicia to be interned there. In many ways, the army was saved thanks to the activities of its Chief of Staff, Colonel Boris P. Polyakov, who was initially opposed to cooperation with the Petliurists forces. Based on materials from a number of archives and memoirs of participants, the author reconstructs the history of the “Ukrainian campaign” of the 3rd RA, showing its relationship with Petliura’s units and the peasant population of Volhynia and Podolia.

*The research is supported by the Russian Science Foundation, Project № 24-28-00046 “The Ukrainian question in general P.N. Wrangel’s policy (spring – autumn 1920)”, <https://rscf.ru/en/project/24-28-00046/>

Keywords: Civil War, Soviet-Polish War, 3rd Russian Army, Ukrainian People's Republic, Russian Political Committee, Volhynia, Podolia Governorate

Пребывание русских частей, сформированных в Польше и формально входящих в состав войск П.Н. Врангеля под названием 3-й Русской армии (3-й РА), на территории Волыни и Подолии осенью 1920 г. является одним из малоизученных эпизодов Гражданской войны. Немало вопросов вызывают и взаимоотношения этой армии с армией Украинской Народной Республики (петлюровцами), так как характер этих контактов был не очень типичен для политики Белого движения. Кое-какие упоминания про 3-ю РА и её «украинский поход» можно встретить в ряде работ, но они чрезвычайно скучны и носят отрывочный характер. Так, история формирования русских частей в Польше рассмотрена в работах З. Карпуса [43: 109–135], Д.Ю. Алексеева [1: 144–150, 163–165, 171–176] и Т.М. Симоновой [22: 56–99], но основное внимание в этих исследованиях уделяется периоду лета – начала осени 1920 г. Взаимоотношения 3-й РА с армией УНР кратко освещены в очерке Я.Ю. Тинченко [23].

Цель данной статьи – реконструировать «украинский поход» 3-й РА в октябре – ноябре 1920 г., уделив при этом внимание её отношениям с украинскими частями и местным населением, а также характеристикам некоторых представителей командного состава армии.

Мы не будем останавливаться на периоде формирования русских частей в Польше, так как он подробно освещён в указанных выше работах. Отметим лишь самые основные моменты. Летом 1920 г. в Варшаве группой эмигрантов, объединившихся вокруг Б.В. Савинкова и исповедовавших «демократические» взгляды, был создан Русский эвакуационный комитет (РЭК), впоследствии переименованный в Русский политический комитет (РПК). Под руководством этого комитета и при финансовой поддержке со стороны поляков в окрестностях Калиша началось формирование русских частей, в которые вступали бывшие военнослужащие армии генералов Н.Н. Юденича и Н.Э. Бредова, перешедшие на сторону поляков казаки, советские военнопленные. Первоначально эти части возглавил генерал-лейтенант П.В. Глазенап, а после его отставки – генерал-майор Л.А. Бобошко. Оба генерала исповедовали монархические взгляды, ориентировались на Врангеля и критически относились к «демократическому направлению» РПК. Даже после того, как Савинков признал верховенство Врангеля и начал координировать свои действия с его военным представителем в Польше генерал-лейтенантом П.С. Махровым, напряжение между командным составом русских частей в Польше и руководством РПК сохранялось [7: 1–3].

К концу сентября 1920 г. Врангель дал согласие на формирование русской армии в Польше, но поставил ряд условий: 1) армия должна быть выдвинута на правый фланг польско-украинских войск, чтобы при дальнейшем наступлении примкнуть к левому флангу врангелевских войск, наступающих из Северной Таврии (в это время Врангель готовил Заднепровскую операцию и надеялся на то, что при её успехе войска, идущие из Крыма, смогут объединиться с войсками, идущими из Польши, на Правобережной Украине); 2) армия должна называться 3-й РА, так как находящиеся в Крыму врангелевские войска состоят из двух армий; 3) командный состав 3-й РА должен назначаться Врангелем [5: 180]. Условия эти были приняты, и, таким образом, создалось двусмысленное положение: с одной стороны, 3-я РА подчинялась только Врангелю, но при этом из-за расстояния не могла управляться им непосредственно; с другой стороны, финансирование армии зависело от РПК, получавшего деньги от поляков благодаря тесным связям между Савинковым и начальником Польского государства маршалом Ю. Пилсудским. «Положение Комитета оставалось весьма двусмысленным: он был посредником между польскими властями и русскими частями; от него исходили все средства и от него же шло снабжение, и через него же – вооружение отрядов, но ни смещать, ни назначать командный состав Комитет не мог», – вспоминал В.В. Савинков, младший брат лидера РПК [21: 830].

Поляки в конце сентября 1920 г. приняли решение о выдвижении русских частей на фронт. К этому времени кроме дивизии Бобошко формировались и другие части под командованием генерал-майора Б.С. Пермикина (Пермыкина, Перемыкина), генерал-лейтенанта графа А.П. фон дер Палена, генерал-майора В.С. Трусова. 26 сентября

Махров издал приказ о назначении Пермикина начальником группы русских войск, в которую вошли 1-й пехотный отряд Бобошко и Казачий отряд Трусова [30: 121]. При этом назначение позиционировалось как временное, так как на тот момент Махров не был лично знаком ни с кем из назначенных генералов, кроме Бобошко. Офи-

Б.С. Пермикин. Санкт-Петербург, 1911 г. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61099. Л. 60.

циальный приказ Врангеля о создании 3-й РА был отдан 3 октября 1920 г. Главнокомандующий приказывал «всем русским офицерам, солдатам и казакам, как бывшим на территории Польши раньше, так и перешедшим в последнее время к полякам из Красной армии», вступить в её ряды и «честно бок о бок с польскими и украинскими войсками бороться против общего нашего врага, идя на соединение с войсками Крыма» [5: 201].

Предполагалось, что впоследствии группа русских войск объединится с другими русскими подразделениями в Польше, которые пока что не признали главенства Врангеля, такими как отряды генерал-майора С.Н. Булак-Балаховича и есаула М.И. Яковлева, и все вместе они и составят 3-ю РА. В связи с этим на повестку дня встал вопрос о том, кто будет командовать армией. Врангель хотел, чтобы 3-ю РА возглавил генерал-лейтенант Е.К. Миллер. Махровым, в свою очередь, была предложена кандидатура генерал-лейтенанта В.Ф. Кирея, но она не была одобрена окружением Врангеля [31: 277, 327–328]. «Передо мной стояла трудная задача, – вспоминал Махров. – Из всех наличных войсковых начальников я не видел ни одного, кроме генерала Бобошко, который был достоен во всех отношениях быть командующим этой русской армией, но, к сожалению, он был неприемлем для польского командования и для Савинкова. Другой генерал, граф Пален, был неспособен для этой роли и тоже не встречал симпатий ни со стороны польского командования, ни со стороны Савинкова, которого нельзя было игнорировать. Предложение генерала Врангеля назначить командующим армию генерала Миллера польским командованием было отклонено. Ждать дальше было невозможно. Савинков мне предложил двух кандидатов, желанных и для польского командования, и для Савинкова: генерала Пермыкина и ген[ерала] Трусова». 10 октября 1920 г. Махров пригласил генералов к себе и сделал обоим предложение возглавить армию. Трусов сразу же отказался, Пермыкин же дал согласие. «Пермыкин был ниже среднего роста, блондин лет 30, худой, с бледным лицом и большими светлыми глазами, спокойными и, казалось, задумчивыми. Человек благовоспитанный и дисциплинированный, на груди его висел георгиевский офицерский крест. Он не был кадровый офицер, без военной школы, и был произведён в первый офицерский чин за боевые отличия. Его почему-то офицеры называли “Гамлет”, что, как я потом убедился, было недалеко от истины», – описывал свои впечатления Махров [31: 327–329]. Лейтенант Л.В. Камчатов, служивший в оперативной части штаба 3-й РА, отмечал, что Пермыкин «отличался личной отвагой и энергией, но не обладал опытом и знаниями» [10: 49]. Немного иначе характеризовал его глава французской военной миссии в

Польше генерал А. Ниссель в докладе военному министру А. Лефевру и маршалу Ф. Фошу: «Генерал Пермикин – человек молодой, но без особого авторитета и энергии» [29: 158]. По мнению В.В. Савинкова, назначение Пермикина оказалось ошибочным, так как генерал «вообразил себе, что он великая птица и, не выйдя даже ещё в поле, почувствовал себя героем», а кроме того, оказался монархистом, хотя раньше выдавал себя за сторонника демократических идей [21: 848].

11 октября 1920 г. Махров издал приказ, согласно которому группа войск генерала Пермикина должна была именоваться впредь 3-й РА, сам же Пермикин допускался к исполнению должности её командующего [2: 1a]. Впрочем, уже 13 октября Махров, понимавший, что новый командующий совершенно некомпетентен в военных вопросах и «непригоден для занятия этой должности», просил Врангеля назначить другого человека. Чтобы не поставить войска в беспомощное положение, Махров решил впредь до назначения нового командующего сделать начальником штаба 3-й РА полковника Б.П. Полякова, «человека энергичного, умного, образованного и отличного офицера Генерального штаба» [31: 350]. Бывший военспец Красной армии, одновременно с этим работавший в белом подполье, Поляков в 1919 г. занимал пост начальника управления снабжений Северо-Западной армии. Как и другие руководители 3-й РА, он придерживался монархических взглядов [6]. 14 октября Махров допустил Полякова к исполнению должности начальника штаба [30: 187]. Забегая вперед, отметим, что 4 ноября Врангель прикажет генерал-лейтенанту Я.Д. Юзефовичу безотлагательно выехать в 3-ю РА для вступления в должность её командира [32]. Юзефович действительно прибудет в Польшу, но вступить в командование армией так и не успеет.

13 октября Пилсудский пригласил Махрова в Бельведерский дворец и поставил его в известность, что политическая обстановка резко изменилась: польская делегация в Риге накануне подписала предварительный мир с большевиками, который должен вступить в силу через 144 часа. Таким образом, Пилсудский имеет в своём распоряжении только шесть дней для того, чтобы произвести войсковые перегруппировки, в связи с чем он предложил или вывести русские войска немедленно на фронт (за пределы новой польской границы), оказать при этом им материальную помощь, или разоружить и интернировать их. Пилсудский дал сутки на принятие решения, но Махров тут же попросил немедленно перебросить 3-ю РА на правый фланг польско-украинского фронта, как этого желал Врангель. В тот же день у Савинкова состоялось чрезвычайное заседание РПК, на котором присутствовал и Махров. Савинков заявил, что он решил

заключить соглашение с Петлюрой, и РПК одобрил это его решение. В тот же день выяснилось, что Булак-Балахович решил не подчиняться Врангелю и вывести свою армию в Белоруссию для самостоятельных действий [31: 348 – 349]. Савинков сделает основную ставку именно на Балаховича и отправится вместе с ним в наступление на Мозырь, а 3-я РА, нелояльная РПК, будет снабжаться по остаточному принципу [10: 42]. Решение выводить армию на Украину было поддержано и русскими дипломатами, полагавшими, что переброска её в Крым в текущих условиях трудноосуществима. По мнению дипломатического представителя в Варшаве В.М. Горлова, армия Пермикина, объединившись с армией УНР, возглавляемой генерал-поручиком М.В. Омельяновичем-Павленко, станет серьёзной силой «с русскими тенденциями, которые облегчат связь Украины с Южно-Русским правительством» [37].

В итоге Пермикин решил сам договариваться с петлюровцами, буквально за несколько недель до этого захватившими часть Подольской губернии, а теперь вынужденными, как и русские части, покинуть польскую территорию и продолжать борьбу с красными самостоятельно. Пермикин хотел предложить им посильную помочь и рассчитывал занять место на правом фланге. С этой целью 3-я РА была переведена в остающийся за поляками район города Ровно бывшей Волынской губернии, а оттуда походным порядком в сторону Волочиска [10: 54]. 22 октября Пермикин из Ровно отправил телеграмму находившемуся в Городке Омельяновичу-Павленко, предложив встретиться. Украинский командарм, прежде чем дать ответ, связался с Головным атаманом С.В. Петлюрой по прямому проводу и изложил предложение Пермикина. Петлюра ответил, что считает факт появления 3-й РА позитивным и не имеет ничего против встречи, но при этом потребовал, чтобы русский генерал подчинялся Главному командованию войск УНР, оперировал на северном (т.е. левом) крыле и не имел права проводить мобилизации людей и коней и делать реквизиции зерна без согласия украинского правительства. Кроме того, Петлюра надеялся на получение от 3-й РА патронов, а также выразил пожелание, чтобы Пермикин ушёл на территорию России после того, как украинские войска достигнут северной границы Украины [42: 321 – 322].

25 октября Пермикин сообщил руководству РПК в Варшаве, что вылетает на аэроплане на встречу с украинским командармом [8: 27 – 27 об.]. Омельянович-Павленко вспоминал, что Пермикин приехал в Городок, где тогда располагался штаб украинской армии, в сопровождении французского генерала Бонуа, заместителя главы французской военной миссии в Польше, и нескольких штабных офи-

церов. Встреча, по его словам, закончилась под вечер подписание военной конвенции [16: 439–440]. Согласно мемуарам Пермикина, он приехал в штаб Павленко, находившийся на сахарном заводе в Городке, вместе с генералом Бобошко. «Мы были приглашены к обеду. На столе был огромный торт, украшенный шоколадным трезубцем. В застольной речи генерал Бобошко отвечал по-украински», – вспоминал Пермикин. По его словам, почему-то из разговора, переведимого Бобошко, ничего не получалось, и тогда командующий 3-й РА попросил Бобошко побеседовать с офицерами огромного украинского штаба, а сам остался наедине с Павленко. Генералы, разговаривая по-русски, договорились обменяться представителями, которые должны будут находиться при русских и украинских частях, а также урегулировали ряд других вопросов. «Так состоялось соглашение между Врангелевской армией и армией Петлюры», – заключал Пермикин в своих воспоминаниях [18: 88–89].

В действительности память подвела обоих генералов. Во-первых, никакого генерала Бонуа во французской миссии не было, а приезжал в украинский штаб вместе с Пермикиным прикомандированный к 3-й РА генерал О. Троньо [20: 220] (впоследствии за помощь армии Пермикин представит Троньо к награждению орденом Св. Владимира 3-й степени, а одного из варшавских сотрудников французской миссии, майора Ш. де Голля, наградит орденом Св. Анны 3-й степени [20: 113]). Во-вторых, никакого соглашения или военной конвенции подписано не было. В-третьих, была не одна встреча, а две. 26 октября Пермикин приезжал на разговор с украинским командармом в сопровождении Троньо, после чего вернулся в Ровно, где встретился с Пилсудским. 28 октября в штабе армии УНР состоялось совещание командиров дивизий, на которое был приглашён и Пермикин (видимо, в сопровождении Бобошко) [20: 221; 24: 317]. На этом совещании Пермикин сделал письменное заявление на имя Омельяновича-Павленко: «До подписания военной конвенции про совместную борьбу с большевиками между правительством головного атамана С.В. Петлюры и формировавшим армию Русским политическим комитетом в Польше я считаю по складывающимся обстоятельствам необходимым оказать посильную помощь дружественной армии Украинской Народной Республики, беру на себя обязанность относиться к правительству и населению Украины как к правительству и населению дружественного и союзного государства и не вмешиваться во внутренние дела этого государства. Я уверен, что командование армии Украинской Народной Республики со своей стороны даст определённую помощь, чтобы облегчить дело наискорейшего формирования порученной мне армии» [24: 317]. Таким образом, Пермикин взял на себя одно-

сторонние обязательства, причём не от имени Врангеля, никогда не дававшего ему подобных полномочий, а от имени РПК.

Омельянович-Павленко это заявление принял, после чего перешёл к вопросу о военной кооперации. Он сказал, что планирует вести наступление по направлению к югу, к Одессе, Пермикину же предложил действовать по направлению к северу. Ставить русские отряды на своём правом фланге украинский командарм решительно отказался [39]. Причины этого были вполне очевидны, так как создание непрерывного белого фронта в Новороссии петлюровцев не устраивало. К тому же им была необходима Одесса для организации вывоза сельхозпродукции и торговли с Францией и другими странами Антанты. Впрочем, Заднепровская операция Врангеля провалилась, и вопрос об объединении русских армий был отложен, так что максимум, на что мог рассчитывать теперь Пермикин – это попытаться оттянуть на себя часть красных войск, дав тем самым Врангелю хоть какой-то шанс на удержание Крыма, а для достижения этой цели было уже не так важно, на каком фланге, правом или левом, армия будет находиться. Перебрасывать 3-ю РА в Крым было уже поздно, поэтому Пермикин согласился на условия Омельяновича-Павленко, тем самым фактически нарушив инструкции, данные Махрову Врангелем. Из общения с украинским командармом Пермикин вынес, что «мнение о его русофильстве», распространённое во врангелевских кругах, «совершенно неосновательно», «он является самым “щирым” украинцем» [33: 5]. Несмотря на всё это, Пермикин выразил готовность подчиниться Омельяновичу-Павленко и даже настаивал на том, чтобы украинскими и русскими войсками в ближайшие дни были произведены совместные операции против большевиков [39]. В итоге командующие договорились, что 3-я РА сосредоточится в районе Подволочиск – Чёрный Остров, а к 3 ноября выдвинет к Проскурову всё, что будет способно к бою, в качестве армейской резервной группы. Район сосредоточения армии должна была прикрывать украинская 2-я Волынская дивизия [16: 440]. В начале ноября Пермикин отправил в Варшаву телеграмму, в которой кратко сообщил, что имел свидания с Пилсудским и Омельяновичем-Павленко, причём «результаты первого свидания вполне удовлетворительные, а второго отличные» [38]. Махров отнёсся к идее Пермикина наступать совместно с украинцами скептически, находя, что никаких ясных обещаний ему дано не было и никакого точного плана действий не выработано [39]. Впоследствии Махров напишет, что Пермикин – «личность совершенно ничтожная, но мнившая себя политическим деятелем» [31: 455].

После встречи с Омельяновичем-Павленко 3-я РА начала перемещение в район Проскурова, в тыл левого фланга армии УНР. Штаб

армии проследовал из Изяславля через Староконстантинов на Проскуров [10: 54–55]. 3 ноября Пермикин объявил об отъезде по делам службы в Варшаву, оставив вместо себя начальника штаба Полякова. Кроме того, он сообщил в приказе, что 4 ноября 3-я РА вступает в район расположения вооружённых сил УНР, и напомнил всем чинам, что армия УНР «дружественная нам» [2: 14–14 об.]. Поляков, став временным командующим, приказал немедленно организовать при станции Волочиск базу армии и этапную линию Волочиск – Проскуров с двумя промежуточными этапными пунктами в деревнях Порохня и Клинковцы. Сборным этапом стало село Копачёвка, а головной этап расположился в Проскурове в д. № 61 по ул. Шевченко [2: 21 об., 26]. Место расквартирования оперативного отдела штаба 3-й РА должно было обозначаться Георгиевским флагом, все остальные отделы штаба – национальными (бело-сине-красными) флагами и досками с обозначением отдела, штабы частей – национальными флагами с номером в левом верхнем углу [2: 3 об., 12]. Представителем 3-й РА при главном командовании армии УНР был назначен полковник Н.Н. Саламанов, его помощником – подполковник П.С. Булыгин, курьером – подпоручик Н.Д. Яворовский. В свою очередь, представителем главного командования армии УНР при штабе 3-й РА стал полковник А.А. Шаповал, его помощником – подполковник А.И. Макушенко, офицером для связи при них – сотник Н.Г. Тарнопольский [2: 25, 31, 70]. Несмотря на то, что 3-я РА не должна была вмешиваться во внутренние дела УНР, Поляков 14 ноября распространил на местности, занятые русскими войсками, приказ главнокомандующего Вооружёнными силами на Юге России об усилении наказаний на основании «Положения о полевом управлении войск в военное время в районе, занятом Вооруженными Силами» и в соответствии с кн. XXII «Свода военных постановлений» 1869 г. [2: 27 об.–28].

«Взаимоотношения высших слоёв армий, командующих и штабов были дружественные, отношения же офицерства и солдат я назвал бы за редкими исключениями сердечными», – вспоминал Камчатов [10: 94]. Махров отмечал, что в момент прибытия 3-й РА в Подольскую губернию украинское командование переоценивало свои силы, надеясь справиться с большевиками собственными средствами, и потому относилось к русским частям недоброжелательно, но по мере ухудшения положения украинцев их отношение к 3-й РА стало улучшаться, а впоследствии, после прорыва украинского фронта красными, Омельянович-Павленко и вовсе переехал в Проскуров под её защиту [33: 4]. Украинский главком отмечал в мемуарах, что «между нами, националистами Украины, и этой группой воинов-великороссов не могло не быть достигнуто взаимопонимание», поэтому

на «корректное поведение командования 3-й Русской армии штаб украинской армии отвечал тем же». Украинский командующий выражал надежду, что события ноября 1920 г. в будущем могут быть отмечены «как первые фактические этапы в борьбе за достижение всеславянского взаимопонимания» [16: 474–475]. Правда, Пермикин вспоминал, что его начальник штаба Поляков, обозначенный в мемуарах как «полковник Х.», не понимал «боевой необходимости сотрудничества с украинцами» и отговаривал своего начальника от того, чтобы ехать первым к Омельяновичу-Павленко, считая, что это подорвёт его престиж [18: 98]. Впрочем, своего отношения к украинцам Поляков явно не демонстрировал, и украинский командующий оставил о нём вполне комплиментарные воспоминания, отметив, что это был человек «простой, без всякого жонглёрства, мастер в своём деле» [16: 474].

В то время как украинские военные относились вполне лояльно к 3-й РА, политические круги петлюровцев пытались внести в неё раскол. Так, например, официозная газета «Слово», издававшаяся в Каменце-Подольском, приветствуя начавшееся сотрудничество между двумя армиями, заявляла, что «украинская общественность никогда Врангелю искренне не поверит», и поэтому полагала, что РПК «должен порвать с Врангелем» [17]. «Войско Пермикина – сволочь. Есть там и савинковский элемент, но в малом количестве. <...> Эти отряды Врангель хотел бы поставить на наш правый фланг, но этого никак допустить нельзя», – ещё 22 октября писал один из представителей УНР на переговорах с РПК П.И. Зайцев главе своего правительства А.Н. Ливицкому. Зайцев предлагал вместе с РПК расколоть 3-ю РА, попытавшись перетянуть казаков в армию УНР, а «наихудшую часть отправив к Врангелю через Румынию» [25: 55 об.]. Натянутыми отношения у 3-й РА были и с казаками из Отдельной сводно-казачьей дивизии есаула М.И. Яковлева, примкнувшего к армии УНР. Впрочем, данный сюжет требует отдельного подробного разбора, поэтому мы не будем на нём останавливаться.

Согласно украинским данным, к 10 ноября 1-я дивизия Бобошко насчитывала 2 150 штыков, 100 сабель, 32 пулемёта и 12 орудий, Сводно-казачья дивизия Трусова – 620 штыков, 300 сабель, 20 пулемётов, 2-я же стрелковая дивизия Палена находилась в стадии формирования [24: 329]. По сведениям Махрова, в 3-й РА было около 9 000 человек и 2 500 лошадей [33: 9]. К ноябрю полностью сформирована была только 1-я дивизия, Сводно-казачья дивизия – наполовину, а 2-я дивизия формировалась прямо на фронте из офицеров и солдат, прибывающих из Эстонии. Относительно не-плохо обмундирована и вооружена была лишь дивизия Бобошко.

Правда, согласно данным интендантского отдела, вместо запрошенных фуражек она получила папахи [3: 1–2 об.]. Камчатов, впервые столкнувшийся с военнослужащими дивизии на станции Оженин под Ровно, вспоминал: «Вокзал переполнен военными; все в старой русской форме, в погонах и маленьких отороченных серым барашком круглых шапках, так называемых “кубанках”. Это, оказывается, форма русских частей» [10: 24–25]. В отличие от дивизии Бобошко, дивизия Палена была полураздетой [10: 28–29]. У казаков также были большие проблемы с обмундированием. В начале октября они обратились к Махрову с просьбой помочь купить цветное сукно на лампасы, но у представителя Врангеля денег не было, и поэтому он перенаправил просьбу Савинкову [30: 180]. В воспоминаниях одного из красных, участвовавших в боях с 3-й РА, есть эпизод о столкновении 17 ноября у деревни Казимировка под Проскуровом с группой «странной пехоты» числом до 150 человек, у которых «на рукавах и на верхах фуражек нашиты белые кресты» [13: 291–292]. Из-за белых крестов мемуарист называл противников «белокрестниками», а затем уже советский историк Г.М. Шевчук превратит их в отдельное подразделение, утверждая, что «белокрестники» – это сформированный из деникинских и петлюровских офицеров отряд, «самые ярые враги трудящихся» [27: 190]. Белый крест могли носить как бывшие военнослужащие Северо-Западной армии, сохранившие свою старую форму и прежнюю символику, так и казаки из дивизии Трусова. Последние были одеты в ту форму, в которой перешли от большевиков к полякам, а казаки Уральского полка и вовсе носили «будёновки». Именно поэтому, по свидетельству есаула Е.Е. Ковалёва, было приказано нашить на левый рукав верхней одежды крест из белой тесьмы шириной полтора дюйма, в связи с чем среди казаков в ход вошло слово «крестоносцы» [12: 17]. В целом армия была вооружена и одета не более чем на 50 %. Пехота имела мало винтовок, пулемётов и патронов, лишь 1/5 часть конницы имела коней, у многих казаков не было пик, шашек и сёдел, артиллерия не имела снарядов, отсутствовали транспортные средства и средства связи, продовольствия армия получала в четыре раза меньше требуемого, а санитарная служба так и не была налажена. Поляки обещали снабдить армию, но так этого и не сделали. В результате многие солдаты были одеты в одно нижнее бельё и во время переходов покрывались вместо шинелей одеялами. 2-я дивизия передвигалась перебежками от одного до другого жилого помещения, где можно было хоть немного погреться [33: 10–12].

В этих условиях лишь добрые отношения с местными крестьянами помогали армии хоть как-то существовать. «3-я Русская армия, именно

как армия русская, была встречена населением, всем без исключения, как давно жданная и желанная освободительница. В народе создалась легенда, что якобы это остатки старой русской царской армии, сохранившейся где-то за границей, – вспоминал Махров. – Народ открыто выражал свои симпатии, и в армию желало поступить большое количество добровольцев. Население просило объявить мобилизацию и было очень огорчено, когда по непонятным для него политическим соображениям сделать это было невозможно. Народ видел в 3-й армии освободительницу не только от большевиков, но и от петлюровцев» [33: 12–13].

Офицеры 3-й РА не скрывали своих монархических взглядов. Ещё во время пребывания на Волыни они, вызывая недовольство савинковцев, рисовали на стенах офицерских собраний двуглавых орлов с коронами и всеми царскими регалиями [9: 16 об.], так что слухи о том, что это остатки старой русской армии, возникали явно не на пустом месте. 6 ноября 1920 г. Махров писал в Севастополь и Париж: «Население Украины встречает части 3-й армии с радостью. Большое количество добровольцев просится на службу, лишь бы не служить в войсках Петлюры, имя которого непопулярно. Есть случаи перехода офицеров с украинской службы на русскую службу, причём в будущем есть основание предполагать если не переход целых частей, то сильное изменение настроения украинских войск в нашу пользу» [34]. В мемуарах Махров отмечал, что население Подольской губернии «настроено было антибольшевистски, но не менее враждебно оно относилось к петлюровцам», так как армия УНР, также имевшая проблемы со снабжением, грабила жителей подконтрольной территории [31: 379]. Камчатов вспоминал, что 3-я РА находилась на иждивении у населения: по приходе её в село или деревню к начальнику дивизии приглашались выборные представители крестьян, которым объяснялось положение и выражалась просьба помочь чем можно, после чего староста распределял людей и лошадей по дворам, вменяя в обязанность хозяевам содержать их. «И это делалось вполне добровольно, с чисто русским радушием, хотя такой военный постой, подчас продолжавшийся несколько дней и даже неделю, был зачастую не по силам крестьянам, разорённым целым рядом военных действий и последовательных перемен власти», – заключал мемуарист [10: 83]. Некий Н. Петров на страницах монархического журнала «Двуглавый орел» вспоминал, как крестьяне в районе Острога первоначально отнеслись к армии недоверчиво, но после того, как им была прочитана и объяснена земельная программа Врангеля, настроение «резко изменилось, и пытавшийся возражать петлюровский агитатор был выгнан толпой с совершенно недвусмысленными фразами, причём крестьяне совершенно не дали ему говорить» [19: 45–46].

Изначально украинцы планировали после окончания перемирия, действовавшего и на их фронте со второй половины октября, перейти в наступление, но, по мнению Полякова, приказ о наступлении попал в руки большевиков [20: 202]. В итоге Красная армия не стала дожидаться украинского наступления, ударив первой 10 ноября и прорвав фронт правой группы в районе села Берёзовка [24: 331]. Камчатов вспоминал, что Омельнович-Павленко лично приехал к Полякову с просьбой об оказании моральной поддержки путём выдвижения на фронт русских частей, но вскоре стало ясно, что поддержка нужна не только моральная, и поэтому приказание двигаться получили лишь боеспособные части 1-й дивизии Бобошко и некоторые казачьи. «Украинцам приходилось туда; это явствовало из всех их сообщений, и они рассчитывали нашей маленькой армией задержать начинавшееся бегство и разложение», – заключал Камчатов. На 14 ноября было назначено контрнаступление, причём части 1-й дивизии 3-й РА, занявшие накануне позиции на фронте южнее железнодорожной линии в районе станции Деражня, должны были, действуя совместно с украинцами, овладеть линией Елтушково – Бар [10: 75]. По сведениям, приведённым в докладе Махрова, против всех сил красных дрались только части 3-й РА, в то время как Мазепинский конный полк действовал очень нерешительно, 2-я же Волынская дивизия армии УНР не сдвинулась с места, а при появлении красных почти целиком сдалась в плен, перебив своих офицеров [33: 16]. «Фактически части ген[ерала] Бобошко были единственными выполнившими приказ о наступлении, в которое они и перешли, далеко отбросив противника на своём участке. Однако они не были поддержаны украинцами ни справа, ни слева, т. к. украинские части не выполнили приказа и в наступление не перешли. После целого дня боя 1-й дивизии пришлось, понеся крупные потери, вернуться в исходное положение из опасности быть отрезанной. После этого ничего не оставалось, как отступать, так как украинцы разбегались по домам и обозам и фактически уже не представляли никакой военной силы», – вспоминал Камчатов [10: 75–76]. В оперативной сводке от 16 ноября отмечалось, что накануне особый героизм проявили полки казачьей бригады есаула А.И. Сальникова, которые, «несмотря на ураганный ружейный и пулеметный огонь врага и подавляющее количество его конницы, несколько раз бросались в решительные атаки, неся тяжелые потери, и умелыми манёврами наносили врагу также большие потери». Во время этих боев «пал смертью храбрых» командир 2-го стрелкового полка полковник А.Ю. Саулевич [24: 346]. Махров отмечал, что «вся тяжесть боя легла на 1-ю стр[елковую] див[изию] ген[ерала] Бобошко, проявившего распорядительность и

храбрость, части же его – большую стойкость. Окружённые противником, они пробивались без патронов штыками и ручными гранатами, и пример сдававшихся в плен украинцев не был для них заразителен» [33: 17]. Омельянович-Павленко также признавал храбрость и дисциплинированность частей 3-й РА, отмечая, что конница Пермикина покрыла себя славой [16: 504–505].

Ещё 15 ноября штаб 3-й РА перешёл из Проскурова в Чёрный Остров, а 17-го на станцию Войтовцы [10: 76]. Согласно воспоминаниям Махрова, во время отступления до границы русским частям «пришлось играть роль арьергарда украинской армии, потерявшей всякую боеспособность», а её командующий «со своим штабом нашёл убежище в 3-й армии» [31: 387]. Возможно, это некоторое преувеличение, хотя сам Омельянович-Павленко не отрицал, что 20 ноября вместе с некоторыми сотрудниками штаба и конвоем ездил по ближним тылам 3-й РА [16: 467]. «Постепенно на фронт вышли также все части казачьей дивизии, которые совместно с частями 1-й дивизии вплоть до самой польской границы отходили в соприкосновении с противником <...>. Целую неделю нашим частям приходилось выдерживать попеременно натиски неприятельской пехоты и кавалерии. Условия были самые тяжёлые, т. к. войска вели бои почти беспрерывно, не получая ни продовольствия, ни боевых припасов», – вспоминал Камчатов [10: 76].

Омельянович-Павленко не хотел верить (или делал вид, что не верит) в конечный неуспех, но зато Полякову с первых же дней боёв стало ясно, что надо отходить в Польшу. 17 ноября Поляков поехал в штаб польской армии с целью обсудить условия на случай перехода границы и вынужденного интернирования. Договорившись с поляками, «он стал принимать меры для того, чтобы по возможности беречь бойцов и не проливать даром русской крови». К 19 ноября украинские и русские войска отошли к линии реки Збруч. Несмотря на то, что поражение было очевидно, Омельянович-Павленко вечером 18 ноября отдал приказ, в котором предписывал казачьей дивизии 3-й РА и конному полку 1-й дивизии двинуться в рейд на оставленные Чёрный Остров и Проскуров. В течение ночи Поляков получил сведения, что из нескольких тысяч украинской кавалерии в операции сможет участвовать лишь один полк Чёрных запорожцев, остальные же части или разбиты, или находятся слишком далеко. Патроны у 3-й РА уже заканчивались, а красная кавалерия пыталась отрезать её от границы. Не желая бесцельно губить безоружных людей и заведомо зная, что наступление украинцами поддержано не будет, Поляков отменил уже отданное приказание о наступлении. «Украинских частей в этот момент уже не существовало; все люди давно удрали в обозы

и только ожидали разрешения поляков, чтобы переправиться через Збруч и интернироваться. Изредка на фронте можно было встретить подводу с двумя офицерами и пулемётом. Зачастую это было всё, что осталось от того или иного полка – командир и адъютант, – вспоминал Камчатов. – План кавалерийской операции не рассчитывал на одержание серьёзного успеха. Очевидно, манёвр этот был предназначен, чтобы задержать наступление наседавших красных и тем дать возможность спокойно отойти на польскую территорию обозам украинцев, состоявшим из тысяч повозок, заваленных сахаром и иным ценным имуществом. Для такой цели не стоило рисковать людьми тем более, что одновременно полк[овник] Поляков получил известие о катастрофе, постигшей ген[ерала] Врангеля в Крыму, и наша роль была сыграна. У нас больше не было цели, ради которой стоило продолжать борьбу» [10: 77–81]. Поляков узнал о поражении Врангеля 18 ноября из польских газет в Волочиске, но частям об этом не сообщил [20: 203–203 об.]. Интересно, что всего лишь за неделю до этого Врангель в Крыму просил верховного комиссара Франции графа Д. де Мартеля помочь добиться от румынского правительства разрешения на пропуск его армии в 40 тыс. человек через территорию Румынии для соединения с отрядами Павленко и Пермикина в Подольской губернии [28: 50], газета же «Крымский вестник», сообщая о ходе эвакуации Крыма, убеждала своих читателей, что «военные операции украинцев продолжают развиваться успешно», а части Пермикина наступают на Коростень и Житомир [15].

3-й РА повезло, что во главе её в тот момент находился Поляков, изначально скептически относившийся к союзу с петлюровцами. Если бы армией командовал недалёкий Пермикин, желавший заслужить доверие Омельяновича-Павленко, приказ был бы выполнен и русские части понесли бы куда большие потери. К счастью для своих подчинённых, Пермикин до армии так и не добрался. Утром 17 ноября он вылетел из Варшавы на самолёте, но попал в авиакатастрофу [4]. В итоге Пермикин, получивший незначительное повреждение позвоночника, прибыл в армию и вступил в командование лишь 24 ноября, когда всё было уже кончено [2: 35; 10: 86]. Впоследствии он, недовольный действиями своего начальника штаба, обвинил его в ненанесении контрудара противнику. По мнению Камчатова, обвинения эти были глубоко несправедливы, так как Поляков спас армию от бессмысленного истребления, Пермикин же, «человек высокой личной доблести и прекрасный командир малой боевой части, не был в состоянии постигнуть трудности и ответственности, лежащей на человеке, который призван стоять во главе армии» [10: 87–88].

Пока армия отступала к Збручу, в Варшаве продолжались пере-

говоры между представителями Петлюры и Савинкова. РПК хотел привлечь и Махрова к заключению договора с украинцами, но тот уклонился, сославшись на отсутствие полномочий [39]. К этому моменту представители Врангеля в Варшаве сделали вывод о низкой боеспособности петлюровских частей и бессмыслинности продолжения переговоров. Генерал Юзефович, прибывший в Польшу, писал генералу Миллеру 16 ноября 1920 г.: «Разговоры с украинцами замерли, ибо фактически Петлюры почти нет. большевики заняли Каменец-Подольск, рассеяли часть павленковских войск; некоторая их часть, небольшая, прижата к пермикинским войскам. Павленко, по-видимому, где-то в районе этих войск. <...> Поляки, по всем разговорам, склонны поставить крест на Петлюре. Население относится к нему враждебно, по совокупности всех предшествовавших причин, из коих главные: его базирование на немцев, поляков, и ужасающие грабежи, взяточничество, отсутствие мало-мальски приличной власти, и т. п. ... Одним словом, в настоящее время Петлюра и его правительство – ноль. С ними не стоит разговаривать. И Павленко – ноль, ибо остаток его войск – дрянь» [35]. 18 ноября, уже после отъезда Пермикина в армию, была подписана военная конвенция между УНР и РПК, согласно которой савинковцы признавали независимость Украины и правительство Петлюры, а войска «отдельной Русской армии, сформированной Русским политическим комитетом в Польше», объявлялись союзниками армии УНР. За Пермикина – как члена РПК, но не как командующего 3-й РА – конвенцию подписал Д.М. Одинец [40].

19 ноября Поляков издал приказ, в котором сообщил своим частям, что армии «после ряда упорных и славных боёв приходится отходить на территории Польской республики», и поблагодарил подчинённых за «подвиги и труды» [8: 62]. После этого части 3-й РА начали оставлять позиции и отходить к границе, сохраняя порядок и дисциплину. Переход на польскую территорию начался в 4 часа утра 21 ноября [24: 360]. Переправившись через Збруч в районе селе Токи (ныне – в составе Тернопольской области), армия была интернирована [10: 81]. При переходе границы поляки, опасавшиеся трений дипломатического характера, потребовали от офицеров снять погоны [9: 139]. Остатки армии УНР, включая Омельяновича-Павленко, закончили переправу в 17 часов [24: 360]. Всего в боях с 12 по 21 ноября погибло и пропало без вести не менее 33 офицеров и одного военного чиновника 3-й РА [2: 43, 47 об.]. По данным Махрова, армия за время боев понесла большие потери – «около 25 % офицеров и солдат выбыло из строя» [33: 18]. Положение интернированных было тяжёлым, армия начала голодать – ранее на Волыни и в Подолии её кормили крестьяне, теперь же, по словам Махрова, «расчётливый галичанин даром ничего не даёт» [33: 20]. В декабре 1920 г. в польских лагерях в

Торуни и Острове Ломжинском находилось около 7 300 интернированных военнослужащих 3-й РА [43: 130].

26 ноября Омельянович-Павленко объявил приказ по армии УНР, в котором отметил деятельное участие в боях дивизий Бобошко и Трусова, а также «достигнутую в короткий срок тесную боевую спайку и яркие отношения воинского братства, скреплённые совместно пролитой кровью на полях Подолии» [2: 37]. Несмотря на тёплые слова, сказанные в официальных обращениях, дальнейшего развития сотрудничество врангелевцев и петлюровцев не имело. Генерал Ниссель отмечал, что он постарается сохранить достигнутое соглашение, но при этом признавал, что у Пермикина больше нет причин оставаться в подчинении у Павленко [28: 76]. В декабре 1920 г. командующие двух армий неоднократно встречались в Варшаве и обсуждали дальнейшие планы, причём Омельянович-Павленко критически высказывался о Петлюре и говорил о желательности единения с Врангелем, хотя и оставался на самостийнических позициях [41]. Впрочем, проекты их реализованы так и не были.

У Пермикина и Омельяновича-Павленко сложились неплохие личные отношения, но далеко не все бывшие военнослужащие двух армий испытывали друг к другу тёплые чувства. Вскоре начались споры, кто первый отступил и, соответственно, виновен в поражении. Украинский генерал-хорунжий В.М. Кущ утверждал, что 3-я РА открыла часть фронта, покинув его вопреки приказу Омельяновича-Павленко, а затем первой перешла Збруч [26: 122]. Напротив, А.К. Рудин, находившийся при 3-й РА курьер для связи от штаба армии Булак-Балаховича, доносил Савинкову, что «украинские части сражались плохо, причём очень многие переходили к большевикам» [20: 204]. «Украинская армия проявила малую боеспособность. Составлена она из небольшой группы «щирых» украинцев. Вся остальная масса насилино мобилизованных относится недоброжелательно к ней и при первой возможности дезертирует. Население к Петлюре и его армии тоже недоброжелательно. Армия снабжена слабо и занимается грабежом», – отмечал Махров. В отличие от неё, 3-я РА «показала большую стойкость» и «только благодаря прикрытию ею отхода украинцы смогли спасти остатки их армии». Махров делал вывод, что «выступление 3-й армии обнаружило готовность масс идти под русским флагом на борьбу с большевиками» [33: 21–22].

В 1928 г. варшавская газета «За Свободу!» с возмущением написала, что комендант лагеря для интернированных в Калише генерал Кущ запретил русским провести в лагерной церкви панихиду по Врангелю, хотя «в 1920 году украинская армия в союзе с III-ей армией ген. Врангеля совместно боролась с большевиками и 19–21 ноября

1920 г. переходила р. Збруч под прикрытием русских частей» [11]. Кущ в ответ заявил, что никакого соглашения украинского правительства с Врангелем не было, а было соглашение с РПК, признавшим независимость Украины, и поэтому совместно с армией Врангеля армия УНР никогда не действовала. Кроме того, «было бы абсурдом и преступлением перед собственной национальной совестью дозволить в украинской церкви Службу Божью за командующего враждебной нам армии, прямого наследника ген[ерала] Деникина». Кущ категорически отрицал, что 3-я РА прикрывала отход украинской армии 19–21 ноября. Армия УНР, по его словам, перешла Збруч с 12 до 17 часов в районе Волочиск – Ожиговцы, переправа её обеспечивалась полком Чёрных запорожцев, действовавшим вместе с бригадой есаула Яковлева, Мазепинским конным полком и Отдельной конной дивизией, отбивавшими атаки красных и не допустившими их к реке. 3-я РА, утверждал Кущ, начала отходить за Збруч уже с полудня 20 ноября, вследствие чего возможность её участия в прикрытии переправы 21 ноября представлялась ему сомнительной [14]. В данном случае скорее прав был Кущ, так как большая часть 3-й РА действительно перешла Збруч раньше армии УНР, но также очевидно и то, что сотрудник газеты просто неудачно выразился, в действительности же русские части ставили себе в заслугу бои 14–15 ноября и то, как они прикрывали отступление украинской армии до Збруча, а не сам переход через реку.

Ещё в октябре 1920 г., когда части 3-й РА только перебрасывались на Украину, В.М. Горлов писал: «Решения эти, принятые спешно, без возможности тщательного их обдумывания, крайне смелы, успех их будет зависеть от массы данных, которых нельзя ни правильно учесть, ни предвидеть» [36]. Таким образом, он не скрывал, что весь «украинский поход» был авантюрией, имеющей мало шансов на успех. Лишь благодаря здравому смыслу полковника Полякова большую часть армии удалось спасти и вывести на польскую территорию. Изначальные надежды на соединение армии с основными силами Врангеля оказались несбыточными из-за провала Заднепровской операции. «Украинский поход» 3-й РА показал и всю иллюзорность надежд врангелевцев на то, что петлюровцы оттянут часть Красной армии на себя и тем самым помогут Крыму. Всё получилось ровным счётом наоборот: петлюровцы не только оказались неспособными оказать существенную помощь осаждённому Крыму, напротив, частям врангелевской 3-й армии, ещё не до конца сформированным и плохо вооружённым, пришлось срочно выдвигаться на фронт и спасать петлюровцев от полного разгрома, а затем прикрывать их отступление в Галичину. Кроме того, выяснилось, что крестьянское население Волыни и Подолии относится к русской армии с большей симпатией,

чем к армии украинской, в результате чего представители Врангеля в Польше пришли к выводу, что никакой нужды в петлюровцах, как потенциальных союзниках и возможных посредниках между белыми и населением Украины, нет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Д.Ю. Б.В. Савинков и русские вооруженные формирования в Польше в 1920–1921 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. 251 с.
2. Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына (Архив ДРЗ). Ф. 39. Оп. 1. Д. 66. Приказы по III Русской армии (октябрь 1920 – февраль 1921 гг.).
3. Архив ДРЗ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 86. Финансово-хозяйственные документы III Русской армии (сентябрь – декабрь 1920 г.).
4. Б.Е. Смелый полёт // Свобода. 1920. 25 ноября. № 111. С. 2.
5. Врангель П.Н. Записки (Ноябрь 1916 г. – Ноябрь 1920 г.). Ч. 2 // Белое дело. Летопись Белой борьбы. Т. VI. Берлин: Книгоиздательство «Медный всадник», 1928. С. 5–242.
6. Ганин А.В. «Это был человек, несомненно, умный и энергичный»: Полковник Б.П. Поляков и антибольшевистское движение на Северо-Западе России // История. Научное обозрение Ostkraft. 2019. № 4 (10). С. 105–135.
7. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. Р-5866. Оп. 1. Д. 170. Брошюра о деятельности белоэмигрантского Русского политического (эвакуационного) комитета в Польше за июнь 1920 – ноябрь 1921 г.
8. ГАРФ. Ф. Р-5866. Оп. 1. Д. 191. Переписка Б.В. Савинкова с III армией; приказы III армии. 1920–1921 гг.
9. ГАРФ. Ф. Р-5866. Оп. 1. Д. 192. Переписка РПК со своими отделами. 1920–1921 гг.
10. ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 379. Камчатов Л.В. «3-я Русская армия генерала Врангеля в Польше и на Украине в октябре – ноябре 1920 г.» 1922 г.
11. К. Калиш // За Свободу! 1928. 3 мая. № 102 (2434). С. 4.
12. Ковалёв Е. Из Польши на Украину с III-й Русской армией генерала Врангеля // Военная быль. 1957. № 27. С. 14–17.
13. Криворучко Н. Конец петлюровщины // История 45-ой Волынской краснознаменной стрелковой дивизии. Т. 1. Киев: Издание Политотдела 45-й дивизии, 1929. С. 289–294.
14. Кущ В. Слід памятати // Табор. 1928. № 7. С. 32–34.
15. М.Б. Бой на Украине // Крымский вестник. 1920. 31 октября. № 242. С. 1.
16. Омелянович-Павленко М. Спогади командарма (1917–1920). Київ: Темпора, 2007. 608 с.
17. [Передова стаття] // Слово. 1920. 3 листопаду. № 30. С. 1.

18. *Пермикин Б.С. Генерал, рождённый войной. Из записок 1912–1959 гг.* М.: Посев, 2011. 284 с.
19. *Петров Н. Савинков в Польше // Двуглавый орел. 1921. 15 (28) июня.* № 10. С. 41–48.
20. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1703к. Оп. 1. Д. 464. Русский сектор. Антибольшевистские банды. Врангель. Перемыкин. 1920–1921.
21. *Савинков В.В. Записки (1920–1927) // Три брата (То, что было): Сборник документов / сост., авт. пред. и comment. К.Н. Морозов, А.Ю. Морозова.* М.: Новый хронограф, 2019. С. 429–898.
22. *Симонова Т.М. Советская Россия (СССР) и Польша: Русские антисоветские формирования в Польше (1919–1925 гг.). 2-е изд.* М.: Квадрига; Зебра Е, 2013. 368 с.
23. *Тинченко Я. «Небажані» союзники: білогвардійські формування в Польщі та Україні у 1920 р. // Війна Україні проти Радянської Росії у 1920 році (документи та матеріали) / упоряд. і автор передм. Я. Тинченко.* Київ: Темпора, 2020. С. 25–32.
24. Українсько-московська війна 1920 в документах. Ч. 1. Оперативні документи Штабу Армії Української Народної Республіки / з передм. і під ред. В. Сальського, упор. П. Шандрук. Варшава, 1933. 423 с.
25. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО Украины). Ф. 3696. Оп. 2. Д. 324. Копії нот, меморандумів та листування дипломатичної місії УНР в Речі Посполитій Польській, що були надіслані польському уряду. 1919–1920.
26. ЦГАВО Украины. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 624. Інформаційні доповіді про події на польсько-українському фронті, огляд військових подій на Україні. 1920–1922.
27. *Шевчук Г.М. Боротьба трудящих Радянської України проти контрреволюції на Півдні в 1920 р.* Київ: Видавництво Академії наук Української РСР, 1956. 196 с.
28. *Archives diplomatiques du Ministère des Affaires étrangères (AMAE). 117CPSCOM 309. Forces antibolcheviques de Pologne et d'Ukraine.* 1920, septembre – 1921, janvier.
29. *AMAE. 117CPSCOM 673. Ukraine. Politique étrangère.* 1920, août – décembre.
30. *Archiwum Akt Nowych w Warszawie (AAN). 2/59/0/3/39. Korespondencja przewodniczącego Rosyjskiego Politycznego Komitetu w Polsce z rosyjskim przedstawicielem wojskowym w Polsce.* 1920–1921.
31. *Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). P.S. Makhrov papers. Box 4. Махров П.С. «Генерал Врангель и Б. Савинков (1920–1924 годы)».* 1953 г.
32. *BAR. P.S. Makhrov papers. Box 5. Folder “Telegrams to Warsaw, September 1920 – June 1921”.* Телеграмма Е.К. Миллера П.С. Махрову от 12 ноября 1920 г.
33. *Hoover Institution Archives (HIA). Evgenii Miller papers. Box 3. Folder 4.* Махров П.С. «Военный обзор за ноябрь 1920 г.»

34. HIA. Evgenii Miller papers. Box 3. Folder 9. Почтотелеграмма П.С. Махрова от 6 ноября 1920 г.
35. HIA. Evgenii Miller papers. Box 3. Folder 10. Письмо Я.Д. Юзефовича Е.К. Миллеру от 16 ноября 1920 г.
36. HIA. M.N. Girs papers. Box 29. Folder 2. Письмо В.М. Горлова М.Н. Гирсу от 11 октября 1920 г.
37. HIA. M.N. Girs papers. Box 29. Folder 2. Письмо В.М. Горлова М.Н. Гирсу от 21 октября 1920 г.
38. HIA. M.N. Girs papers. Box 29. Folder 2. Письмо В.М. Горлова П.Б. Струве от 2 ноября 1920 г.
39. HIA. M.N. Girs papers. Box 29. Folder 2. Письмо В.М. Горлова П.Б. Струве от 9 ноября 1920 г.
40. HIA. M.N. Girs papers. Box 29. Folder 3. Военная конвенция между Русским политическим комитетом в Польше и правительством Украинской Народной Республики.
41. HIA. P.N. Wrangel collection. Box 148. Folder 1. Доклад штабс-капитана Дейттрих-Белуха-Кохановского от 11 февраля 1921 г.
42. Józef Piłsudski Institute of America (JPIA). Ukraińska Misja Wojskowa w Polsce. Inw. 1. Dokumenty wraz z załącznikami. 1920.
43. Karpus Z. Wschodni sojusznicy Polski w wojnie 1920 roku. Oddziały wojskowe ukraińskie, rosyjskie, kozackie i białoruskie w Polsce w latach 1919–1920. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1999. 230 s.

REFERENCES

1. Alekseev, D.Yu. (2002) *B.V. Savinkov i russkie vooruzhennye formirovaniya v Pol'she v 1920–1921 gg.* [B.V. Savinkov and Russian armed formations in Poland in 1920–1921]. History Cand. Diss. St. Peterburg.
2. The Archive of the A. Solzhenitsyn House of Russia Abroad (DRZ Archive). (1920–1921) *Prikazy po III Russkoy armii* [3rd Russian Army orders]. Fund 39. List 1. File 66.
3. The Archive of the A. Solzhenitsyn House of Russia Abroad (DRZ Archive). (1920) *Finansovo-khozyaystvennye dokumenty III Russkoy armii* [Financial and economic documents of the 3rd Russian Army]. Fund 39. List 1. File 86.
4. B.E. (1920) *Smelyy polet* [Brave flight]. *Svoboda*. 25th November. p. 2.
5. Wrangel, P.N. (1928) *Zapiski (Noyabr' 1916 g.– Noyabr' 1920 g.)*. Ch. 2. [Notes (November 1916 – November 1920). Part 2]. In: fon Lampe A.A. (ed.) *Beloe delo. Letopis' Beloy bor'by* [The White Cause. Chronicle of the White Struggle]. Vol. 6. Berlin: Mednyy vsadnik. pp. 5–242.
6. Ganin, A.V. (2019) “Eto byl chelovek, nesomnenno, umnyy i energichnyy”: Polkovnik B.P. Polyakov i antibol'shevistskoe dvizhenie na Severo-Zapade Rossii [“He was undoubtedly an intelligent and energetic man”: Colonel Boris P.

- Polyakov and the anti-Bolshevik movement in Northwestern Russia]. *Istoriya. Nauchnoe obozrenie Ostkraft.* 4(10). pp. 105–135.
7. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1921) *Broshyura o deyatel'nosti beloemigrantskogo Russkogo politicheskogo (evakuatsionnogo) komiteta v Pol'she za iyun' 1920 – noyabr' 1921 g.* [Brochure on the activities of the White émigré Russian Political (Evacuation) Committee in Poland for June 1920 – November 1921]. Fund R-5866. List 1. File 170.
8. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1920–1921) *Perepiska B.V. Savinkova s III armiey; prikazy III armii* [B.V. Savinkov's correspondence with the 3rd Army; orders to the 3rd Army]. Fund R-5866. List 1. File 191.
9. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1920–1921) *Perepiska RPK so svoimi otdelami* [Correspondence between the RPC and its departments]. Fund R-5866. List 1. File 192.
10. Kamchatov, L.V. (1922) “3-ya Russkaya armiya generala Wrangelya v Pol'she i na Ukraine v oktyabre – noyabre 1920 g.” [“General Wrangel's 3rd Russian Army in Poland and Ukraine in October – November 1920”]. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5881. List 2. File 379.
11. K. (1928) Kalish [Kalisz]. *Za Svobodu!* 3rd May. p. 4.
12. Kovalev, E. (1957) *Iz Pol'shi na Ukrainu s III-y Russkoy armiey generala Wrangelya* [From Poland to Ukraine with the General Wrangel's 3rd Russian Army]. *Voennaya byl'*. 27. pp. 14–17.
13. Krivoruchko, N. (1929) Konets petlyurovshchiny [The end of Petliurism]. In: *Istoriya 45-oy Volynskoy krasnoznamennoy strelkovoy divizii* [History of the 45th Volyn Red Banner Rifle Division]. Vol. 1. Kiev: Political Department of the 45th Division. pp. 289–294.
14. Kushch, V. (1928) *Slid pamyatati* [It should be remembered]. *Tabor.* 7. pp. 32–34.
15. M.B. (1920) *Boi na Ukraine* [Battles in Ukraine]. *Krymskiy vestnik.* 31st October. p. 1.
16. Omelianovych-Pavlenko, M. (2007) *Spogadi komandarma (1917–1920)* [Memoirs of the Commander (1917–1920)]. Kiev: Tempora.
17. *Slово.* (1920) [Leading article]. 3rd November. p. 1.
18. Permikin, B.S. (2011) *General, rozhdenny voynoy. Iz zapisok 1912–1959 gg.* [General Born of War. From Notes from 1912–1959]. Moscow: Posev.
19. Petrov, N. (1921) *Savinkov v Pol'she* [Savinkov in Poland]. *Dvuglavyy orel.* 10. pp. 41–48.
20. The Russian State Military Archive (RGVA). (1920–1921) *Russkiy sektor. Antibol'shevistskie bandy. Wrangel'. Peremykin* [Russian sector. Anti-Bolshevik gangs. Wrangel. Peremykin]. Fund 1703k. List 1. File 464.
21. Savinkov, V.V. (2019) *Zapiski (1920–1927)* [Notes (1920–1927)]. In: Morozov, K.N. & Morozova, A.Yu. (eds.) *Tri brata (To, chto bylo): Sbornik dokumentov* [Three Brothers (What It Was): Collection of Documents]. Moscow: Novyy khronograf. pp 429–898.

22. Simonova, T.M. (2013) *Sovetskaya Rossiya (SSSR) i Pol'sha: Russkie anti-sovetskie formirovaniya v Pol'she (1919–1925 gg.)* [Soviet Russia (USSR) and Poland: Russian Anti-Soviet formations in Poland (1919–1925)]. 2nd ed. Moscow: Kvadriga; Zebra E.
23. Tynchenko, Ya. (2020) “Nebazhni” soyuzniki: bilogvardiys’ki formuvannya v Pol’shchi ta Ukrai’ni u 1920 r. [“Unwanted” allies: White Guard formations in Poland and Ukraine in 1920]. In: Tynchenko, Ya.(ed.) *Viyna Ukrai’ni proti Radyans’koi Rosii’ u 1920 rotsi (dokumenti ta materiali)* [The war of Ukraine against Soviet Russia in 1920 (documents and materials)]. Kiev: Tempora. pp. 25–32.
24. Salsky, V. & Shandruk, P.(eds) (1933) *Ukrai’ns’ko-moskovs’ka viyna 1920 v dokumentakh* [The Ukrainian-Moscow War of 1920 in Documents]. Vol. 1. Warsaw: [s.n.].
25. The Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine (TsDAVO of Ukraine). (1919–1920) *Kopii’ not, memorandumiv ta listuvannya diplomaticnoi’ misii’ UNR v Rechi Pospolity Pol’skiy, shcho buli nadislani pol’s’komu uryadu. 1919–1920* [Copies of notes, memoranda and correspondence of the UPR diplomatic mission in the Republic of Poland, which were sent to the Polish government]. Fund 3696. List 2. File 324.
26. The Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine (TsDAVO of Ukraine). (1919–1920) *Informatsiyni dopovidi pro podii’ na pol’s’ko-ukrai’ns’komu fronti, oglyad viys’kovikh podiy na Ukrai’ni. 1920–1922* [Information about the developments on the Polish-Ukrainian front, a look at the military developments in Ukraine. 1920–1922]. Fund 3696. List 2. File 624.
27. Shevchuk, G.M. (1956) *Borot’ba trudyashchikh Radyans’koi’ Ukrai’ni proti kontrrevoljutsii’ na Pivdni v 1920 r.* [The struggle of the workers of Soviet Ukraine against the counter-revolution in the South in 1920]. Kiev: Ukrainian SSR Academy of Sciences.
28. Archives diplomatiques du Ministère des Affaires étrangères (AMAE). 117CPCOM 309. *Forces antibolcheviques de Pologne et d’Ukraine. 1920, septembre – 1921, janvier.*
29. Archives diplomatiques du Ministère des Affaires étrangères (AMAE). (1920) *Ukraine. Politique étrangère.* 117CPCOM 673.
30. Archiwum Akt Nowych w Warszawie (AAN). (1920–1921) *Korespondencja przewodniczącego Rosyjskiego Politycznego Komitetu w Polsce z rosyjskim przedstawicielem wojskowym w Polsce. 1920–1921.* 2/59/0/3/39.
31. The Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). (1953) *Makhrov, P.S. “General Wrangel and B. Savinkov (1920–1924)”*. P.S. Makhrov papers. Box 4.
32. The Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). (1920–1921) *Telegramma E.K. Millera P.S. Makhrovu ot 12 noyabrya 1920 g.* [Telegram from E.K. Miller to P.S. Makhrov, November 12, 1920]. P.S. Makhrov’s Papers. Box 5. Folder “Telegrams to Warsaw, September 1920 – June 1921”.
33. Hoover Institution Archives (HIA). (1920a) *Makhrov P.S. “Voennyy obzor za*

noyabr' 1920 g. [Makhrov, P.S. "Military review, November 1920"]. Evgenii Miller Papers. Box 3. Folder 4.

34. Hoover Institution Archives (HIA). (1920b) *Pochtotelegramma P.S. Makrova ot 6 noyabrya 1920 g.* [Postal telegram from P.S. Makhrov, November 6]. Evgenii Miller Papers. Box 3. Folder 9.

35. Hoover Institution Archives (HIA). (1920c) *Pis'mo Ya.D. Yuzefovicha E.K. Milleru ot 16 noyabrya 1920 g.* [Letter from Ya.D. Yuzefovich to E.K. Miller, November 16]. Evgenii Miller Papers. Box 3. Folder 10.

36. Hoover Institution Archives (HIA). (1920d) *Pis'mo V.M. Gorlova M.N. Girsu ot 11 oktyabrya 1920 g.* [Letter from V.M. Gorlov to M.N. Girs, October 11]. M.N. Girs Papers. Box 29. Folder 2.

37. Hoover Institution Archives (HIA). (1920e) *Pis'mo V.M. Gorlova M.N. Girsu ot 21 oktyabrya 1920 g.* [Letter from V.M. Gorlov to M.N. Girs, October 21]. M.N. Girs Papers. Box 29. Folder 2.

38. Hoover Institution Archives (HIA). (1920f) *Pis'mo V.M. Gorlova P.B. Struve ot 2 noyabrya 1920 g.* [Letter from V.M. Gorlov to P.B. Struve, November 2]. M.N. Girs Papers. Box 29. Folder 2.

39. Hoover Institution Archives (HIA). (1920g) *Pis'mo V.M. Gorlova P.B. Struve ot 9 noyabrya 1920 g.* [Letter from V.M. Gorlov to P.B. Struve, November 9]. M.N. Girs Papers. Box 29. Folder 2.

40. Hoover Institution Archives (HIA). (1920h) *Voennaya konvensiya mezhdu Russkim politicheskim komitetom v Pol'she i pravitel'stvom Ukrainskoy Narodnoy Respubliki* [Military Convention between the Russian Political Committee in Poland and the Government of the Ukrainian People's Republic]. M.N. Girs Papers. Box 29. Folder 3.

41. Hoover Institution Archives (HIA). (1921) *Doklad shtabs-kapitana Deytrikh-Belukha-Kokhanovskogo ot 11 fevralya 1921 g.* [Report of Staff Captain Deitrich-Belukha-Kokhanovsky, February 11]. P.N. Vrangel collection. Box 148. Folder 1.

42. Józef Pilsudski Institute of America (JPIA). (1920) *Dokumenty wraz z załącznikami* [Documents with attachments]. Ukraińska Misja Wojskowa w Polsce. Inw. 1.

43. Karpus, Z. (1999) *Wschodni sojusznicy Polski w wojnie 1920 roku. Oddziały wojskowe ukraińskie, rosyjskie, kozackie i białoruskie w Polsce w latach 1919–1920* [Poland's Eastern Allies in the War of 1920. Ukrainian, Russian, Cossack and Belorussian Military Units in Poland in 1919–1920]. Toruń: Nicolaus Copernicus University.

Чемакин Антон Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Anton A. Chemakin – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: a.chemakin@spbu.ru